

Единоличное крестьянское хозяйство в системе аграрной политики КП(б)Б (1921–1928 гг.)

Пархимович Н.Н., Тимофеев Р.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

В статье анализируется политика КП(б)Б в отношении единоличных крестьянских хозяйств в годы новой экономической политики (нэп). На первом этапе нэпа (1921–1925 гг.) компартия соблюдала право крестьян на выбор форм хозяйствования. В 1927 году партийное руководство берёт курс на производственную кооперацию деревни. Этот факт можно считать решающим в уничтожении индивидуального крестьянского хозяйства как производственной единицы в БССР.

Цель данной публикации – показать роль индивидуального крестьянского хозяйства в аграрной политике КП(б)Б в 1920-е годы.

Материал и методы. Источниковой базой работы стали фонды Национального и государственных областных архивов Республики Беларусь, научные труды белорусских историков, затрагивающие проблемы аграрной политики КП(б)Б в 1920-х годах. Исследование проводилось на основе комплексной системы общенаучных и специальных исторических методов, авторских обобщений и выводов.

Результаты и их обсуждение. Несмотря на ряд отрицательных моментов, экономическая политика Коммунистической партии в 1921–1925 гг. способствовала развитию предприимчивости крестьянина. Политика, ориентированная на единоличное хозяйство, вела к формированию слоя мелких собственников. Это был естественный процесс. Однако это не устраивало ни партийные, ни государственные органы. Уроки хлебозаготовок 1927–1928 гг. показали: если индивидуальные хозяйства окончательно сформируются и укрепятся как производители, то станут неуправляемы для рождающейся командно-административной системы. Парадокс состоял в том, что рождённый предыдущей политикой партии относительно свободный крестьянин стал уничтожаться той же партией.

Заключение. На первом этапе нэпа компартия оказывала вынужденное содействие становлению единоличных крестьянских хозяйств. На втором этапе нэпа (1926–1928 гг.) от поддержки КП(б)Б переходит к ограничению и ликвидации индивидуальных крестьянских хозяйств. В социалистической экономике место единоличного хозяйства должно было занять коллективное производство.

Ключевые слова: КП(б)Б, единоличное крестьянское хозяйство, новая экономическая политика, хутор, отруб, коллективное производство.

(Ученые записки. – 2023. – Том 37. – С. 75–81)

Individual Peasant Economy in the System of Agrarian Policy of the CP(b)B (1921–1928)

Parkhimovich N.N., Timofeyev R.V.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The article analyzes the policy of the Communist Party of the Bolsheviks of Belorussia in relation to individual peasant farms in the years of the New Economic Policy. In the first stage of the New Economic Policy (1921–1925), the Communist Party followed the right of peasants to choose forms of management. In 1927 the Party leadership took a course towards the production co-operation of the countryside. This fact can be considered decisive in the destruction of the individual peasant economy as a production unit in the Belorussian Soviet Socialist Republic.

The purpose of this study is to show the role of individual peasant farming in agrarian policy of the CP(b)B in the 1920 s.

Material and methods. The funds of the National and State Regional Archives of the Republic of Belarus, studies of Belarusian historians, which touched upon the problems of the agrarian policy of the CPB in the 1920s became the source basis of the study. The study was conducted based on a complex system of general scientific and special historical methods, the authors' generalizations and conclusions.

Findings and their discussion. Despite a number of negative aspects, the economic the policy of the Communist Party in the 1921–1925s contributed to the development of peasant entrepreneurship. The policy focused on individual farming led to the formation

of a layer of small owners. It was a natural process. However, this didn't suit either party or government agencies. The lessons of grain procurements in 1927/28 showed: if customized farms were finally formed and strengthened as producers, they would become uncontrollable for the emerging command-administrative system. The paradox was that the born by the previous policy of the Party, the relatively free peasant began to be destroyed by the same Party.

Conclusion. *At the first stage of the new economic policy, the Communist Party provided forced assistance to the formation of individual peasant farms. At the second stage of the NEP (1926–1928) from support of the CP(b)B it proceeds to the limitation and liquidation of individual peasant farms. In the socialist economy, the place of individual farming was to be taken by collective production.*

Key words: *CP(b)B, individual peasant economy, New Economic Policy, farm, cut, collective production.*

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 37. – P. 75–81)

В истории нашего государства 1920-е годы были временем поиска путей дальнейшего развития страны в условиях Советской власти, вся деятельность которой курировалась коммунистической партией. Именно на съезде компартии в 1921 году была провозглашена новая экономическая политика.

Особое место в системе нэп было отведено развитию аграрного сектора. В этой связи представляет научный интерес позиция КП(б)Б в отношении индивидуального крестьянского хозяйства в условиях реализации новой экономической политики в БССР. К сожалению, за последние годы в белорусской историографии не было научных работ, в которых рассматривалась политика КП(б)Б в отношении индивидуального крестьянского хозяйства в 1920-е годы.

Цель данной публикации – показать роль индивидуального крестьянского хозяйства в аграрной политике КП(б)Б в 1920-е годы.

Материал и методы. Источниковой базой работы стали фонды Национального и государственных областных архивов Республики Беларусь, исследования белорусских историков, затрагивающие проблемы аграрной политики КП(б)Б в 1920-х годах. Исследование проводилось на основе комплексной системы общенаучных и специальных исторических методов, авторских обобщений и выводов.

Результаты и их обсуждение. Первая мировая и гражданские войны, иностранная интервенция нанесли значительный урон сельскому хозяйству Беларуси. Не способствовала развитию аграрного сектора и политика «военного коммунизма», отдельные составляющие которой применялись и в других воевавших странах.

Возникшее в обществе социальное напряжение требовало от большевистской партии поиска выхода из кризисной ситуации.

В данных обстоятельствах лидеры большевиков предложили экономическую политику, начало которой положил в 1921 году X съезд РКП(б). В условиях послевоенной разрухи она должна была обеспечить «...правильное и спокойное ведение хозяйства на основе более свободного распоряжения земледельцем своими хозяйственными ресурсами для укрепления крестьянского хозяйства и повышения его производительности» [1, с. 608]. Таким образом, восстановление сельского хозяйства должно было идти на основе хозяйственной самостоятельности каждого крестьянского двора. Ставка делалась на предприимчивость, трудолюбие, хозяйственную сметку земледельцев.

Крестьяне республики положительно отнеслись к новой экономической политике. Однако, заложенные веками в психологию крестьянина степенность, рассудительность, недоверие к властям, стремление пожить-посмотреть, а также просчёты в работе советских и партийных организаций при проведении разъяснительной работы о сущности нэпа и её задачах вызывали озабоченность у жителей деревни. Ряд прошедших в 1921 г. беспартийных крестьянских конференций высказал опасения, что продналог только временная мера с целью агитации за расширение посева. На некоторых собраниях вносились предложения: для защиты своих интересов крестьянам необходимо создать профессиональный союз.

В сложившейся ситуации многое зависело от деятельности партийных и советских органов на местах – насколько последовательными будут их дальнейшие шаги в реализации нэпа. Показательным в этом отношении стал V съезд КП(б)Б, состоявшийся в октябре 1921 года. Решения съезда входили в противоречие с интересами крестьян, мечтавшими о земле. Получив её, земледелец надеялся, что государство позволит, наконец, самому выбирать форму её использования. К необходимости объединения в коллектив крестьянина могло привести только одно – сознание экономической выгоды.

Декабрьская (1921 г.) конференция РКП(б) и состоявшийся в то же время IX съезд Советов приняли решение о свободном выборе форм землепользования. Так, в резолюции конференции по аграрному вопросу говорилось, что очередными задачами партии являются предоставление крестьянскому населению свободы выбора форм землепользования и создание условий, необходимых для правильного существования и развития крестьянского хозяйства.

Колебания в аграрной политике не остались незамеченными в крестьянской среде. Они вызвали обоснованные опасения в стабильности новой экономической политики. Дело в том, что шараханья из стороны в сторону в политике у большевиков в Беларуси носили не только теоретический характер, но и имели негативные практические последствия. Весной 1921 г. имение Вельяминово в Борисовском уезде было разделено среди 19 семей. Крестьяне возвели постройки, устроили усадьбы, обработали и засеяли земельные наделы. Однако осенью того же года местные власти решили создать на базе имения коллективное хозяйство.

Крестьяне обратились в Наркомзем БССР с жалобой, в которой указали, что не могут поверить в то,

чтобы одна и та же власть весной делала одно, а осенью того же года прямо противоположное. Они утверждали, что такие действия местных властей вызвали недовольство и опасение в стабильности принимаемых властью решений не только у тех, кого хотели лишить земли, но и у остальных жителей Борисовского уезда. Такими непродуманными шагами, уверяли земледельцы, Советская власть потеряет всех своих сторонников в деревне и даст козырь в руки своих противников [2, л. 212]. Рассмотрев жалобу, народный комиссариат земледелия отменил решение властей Борисовского уезда об устройстве колхоза в имении Вельяминово. Сделано это было только после решения IX съезда Советов РСФСР о свободном выборе форм землепользования.

Исходя из решений IX съезда Советов, президиум ЦИК БССР своим постановлением от 14 января 1922 г. разрешил свободный выбор форм хозяйствования в Беларуси. К этому решению присоединился VI съезд коммунистической партии Беларуси (март 1922 г.), изменив тем самым, решение предыдущего. Выступивший на съезде с отчётом Центрального Бюро В.Г. Кнорин не скрывал, что решение о свободе выбора форм землепользования было принято под влиянием Всероссийской декабрьской конференции 1921 г., а аналогичное решение ЦИК БССР – по прямому указанию ЦБ КП(б)Б.

В соответствии с принятыми партийными решениями президиум ЦИК республики в сентябре 1922 г. утвердил основной закон о трудовом землепользовании. За основу был взят аналогичный закон, принятый в мае 1922 г. ЦИК РСФСР. Закон о трудовом землепользовании конкретизировал формы хозяйствования и закреплял за крестьянином право на их выбор. В том числе и на ведение индивидуального хозяйства в форме отруба или хутора.

Разрешалось применение наёмного труда, правда, лишь в том случае, если все трудоспособные члены семьи нанимателя принимали участие в производственном процессе, либо возникала угроза гибели урожая. Появление такого положения в законе имело большое значение для развития предприимчивости крестьянина. Он мог теперь расширять посевы, создавать небольшие предприятия по переработке сырья, где требовалась дополнительная рабочая сила. Наконец, беднейшие хозяйства, имевшие проблемы с трудоустройством лишних рабочих рук, получали возможность решить их.

Итоги первого года хозяйствования в условиях нэп были обнадеживающими. На 62326 десятин по сравнению с 1921 г. увеличились посевные площади, было приостановлено падение численности животных основных групп: лошадей и крупного рогатого скота. Увеличение посева давало возможность расширить кормовую базу. Стабилизация поголовья скота позволила увеличить объём органических удобрений, что способствовала повышению урожайности. Эти изменения не принесли изобилия сельскохозяйственной продукции, но они свидетельствовали о том, что падение сельскохозяйственного производства остановлено.

В этом был главный итог первого года новой экономической политики в белорусской деревне.

Начинавшееся возрождение деревни было бы ещё заметнее при более продуманной системе налогообложения крестьянского хозяйства. Уплатив осенью продналог, крестьянин рассчитывал оставшимися средствами распорядиться по своему усмотрению. Вместе с тем власти не довольствовались лишь одним продналогом. Вводились дополнительные налоги. Денежные и натуральные повинности крестьян Беларуси в 1922/23 году состояли из натурального продовольственного налога; натурального трудгужналога; семи денежных налогов, взимавшихся на местные нужды; подворного имущественного налога; единовременного государственного налога в помощь голодающим, а затем на борьбу с последствиями голода. Уплатить такую значительную сумму было под силу только зажиточному хозяйству.

В марте 1923 г. ЦИК БССР принял закон, согласно которому в республике вводился единый налог. Он вносился в смешанной форме – денежной и натуральной. Замена множества налогов одним была выгодна крестьянину. Уплатив его, он мог теперь планировать дальнейшее распоряжение ресурсами. Это побуждало крестьянина к интенсификации производства, расширению посева и ассортимента культур.

Ожидания и расчёты крестьян были вскоре вновь перечёркнуты очередным неудачным ходом высшего партийного и государственного руководства. Дело в том, что стремление ускорить развитие промышленности за счёт сельского хозяйства привело к «ножницам» в ценах. На промышленные товары они выросли, а на сельскохозяйственные резко снизились. Если в январе 1922 г. пуд ржи стоил 2 золотых рубля, то в декабре 1923 года только 31 копейку. За пуд ржи в марте 1922 г. крестьянин мог купить 1,5 аршина ситца, а в сентябре 1923 г. уже только 4/5. Крестьянин не мог продавать свою продукцию по таким низким ценам, ибо это разоряло его. Терялся стимул к производству.

Правящая партия и правительство достаточно быстро ликвидировали сложившуюся диспропорцию цен. Сделано это было при помощи трёх основных мер: снижения цен на промышленные товары, что повлекло за собой снижение себестоимости сельскохозяйственной продукции; введения твёрдой валюты; стимулирования крестьянина к улучшению производства собственными ресурсами (льготы культурно-показательным хозяйствам).

Положительную роль в стабилизации ситуации сыграл Земельный кодекс БССР, утверждённый ЦИК республики в марте 1923 г. Согласно этому документу за крестьянином закреплялось право на бессрочное пользование землёй для ведения хозяйства. Осуществляя преемственность с предшествующими ему законодательными актами, Земельный кодекс подтверждал право аренды земли и применения наёмного труда. Последнее разрешалось в том случае, когда крестьянин в силу складывающихся обстоятельств (недостаток инвентаря и рабочей силы) не мог справиться

с выращенным урожаем или выполнить другие сельскохозяйственные работы. Это дополнение не перечило закону 1922 г., а лишь уточняло и дополняло его.

Принятый документ подтверждал право земледельца на свободный выбор форм землепользования. Кодекс закреплял не только само право, но и юридическое равноправие различных форм хозяйствования. Не имело значения, сложились они до революции или возникли после неё. Для крестьянина это было важно, ибо теперь его способ хозяйствования, опробованный до революции, получал право на существование на законной основе. Это особенно значимо было для хуторских и отрубных хозяйств, так как давало им возможность избежать передела, крайне негативно сказывавшегося на эффективности хозяйствования.

Земельный кодекс 1923 г. имел основополагающее значение для судеб белорусского крестьянства. Он не только не перечеркнул законодательные акты, позволявшие крестьянину развивать предприимчивость, но и развил их. В таком виде Земельный кодекс просуществовал до 1925 г. В связи с укрупнением территории БССР был создан новый. Его положения соответствовали ранее существовавшему земельному кодексу. Однако при его составлении была учтена рекомендация пленума ЦК КП(б)Б, которая позволяла при наличии согласия 2/3 членов земельного общества проводить полное землеустройство для перехода к новым формам хозяйствования. Это дополнение поколебало право на свободу выбора форм землепользования той самой трети, которая не хотела переходить к другим формам ведения хозяйства.

Поправка эта была направлена против состоятельной части деревни, которая стремилась на хутора и отруба, официально не признававшиеся как лучшие формы хозяйствования. Но на практике собрать 2/3 желающих перехода к новым формам землепользования было непросто, и это смягчало последствия поправки.

Как наиболее целесообразную кодекс рекомендовал поселковую форму землепользования. Посёлки считались первым шагом для перехода в ближайшем будущем к колхозам. Этот факт предоставлял партийным и советским властям на местах навязывать крестьянам эту форму организации производства помимо их желания. В мае 1925 г. Минский окружком партии вынужден был принять специально решение, в котором потребовал прекратить насильственное поселковое землеустройство.

Если крестьяне не хотели выходить на посёлки, то тем более они не помышляли о колхозах. Временной отрезок 1921–1925 гг. характеризовался всеобщим господством единоличного крестьянского хозяйства. Формы его были различными: подворная, хуторская, отрубная, выселки. В этот период крестьяне не только не хотели создавать колхозы, но в ряде мест враждебно относились к попыткам их организации. Каждое земельное общество было не таким уж большим, чтобы крестьяне не знали друг друга. Поэтому отношение любого из них к труду в личном хозяйстве было известно всем.

Несмотря на ряд отрицательных моментов экономической политика государства в 1921–1925 гг. способствовала развитию предприимчивости крестьянина. Они широко использовали эту возможность. Понимая, что создать хорошо функционирующее хозяйство невозможно без упорядочения землепользования, земледельцы стремились решить эту задачу как можно быстрее. Одни предпочитали устроить свои участки в рамках земельного общества, другие выбирали небольшой посёлок или хутор. Например, в 1925 г. в Шкловском районе Могилёвского округа существовали следующие виды землепользования: чересполосно хозяйствовало 43% крестьян, хуторами 25%, отрубями 3%, посёлками 29% [3, л. 198].

Процесс хуторизации успешнее всего шёл в Витебском округе. В 1924 году вышедшим на хутора принадлежало 30% всей земельной площади. Темпы хуторизации здесь были даже выше, чем до революции. Объяснить это можно тремя причинами. Географические условия местности позволяли вести относительно автономное хозяйство; крестьяне опробовали этот способ хозяйствования до революции (22,3% вышедших на хутора) и убедились в его эффективности; во главе земельного отдела в округе стоял Д.Ф. Прищепов, который не препятствовал хуторизации, считаясь с правом крестьянина на свободный выбор форм хозяйствования.

Невзирая на популярность данной системы землепользования среди крестьян коммунистическая партия не связывала будущее сельского хозяйства с данной формой хозяйствования, ибо она не считалась социалистической. Тем не менее в 1925 г. Апрельский пленум ЦК ВКП(б) потребовал не ставить административных преград желавшим вести хуторское или отрубное хозяйство. Строго соблюдать право свободы выбора форм хозяйствования. Следуя решениям Пленума, комиссариат земледелия республики разработал «Перспективный план развития сельского хозяйства БССР на 1925/26–1929/30 гг.», в котором предусматривалось дальнейшее создание хуторов и посёлков типа отрубов.

В 1925 г. этот план был утверждён ЦК КП(б)Б и СНК БССР. В декабре этого же года его одобрил IX съезд компартии республики. Хутора и отруба получали право на существование минимум ещё минимум на 5 лет. Компартия давала добро на «капиталистические формы хозяйствования». Это был курс на дальнейшую реализацию свободы выбора форм землепользования, заложенную в Земельном кодексе БССР.

Те, кто мог и хотел трудиться, использовали хуторскую и отрубную форму хозяйствования. Однако крестьянин боялся расширять производство, боялся богатеть. Причины этого явления объяснил секретарь ЦК КП(б)Б А.И. Криницкий, выступая на Майском пленуме компартии Белоруссии: «...партия и советская власть накапливающего крестьянина, богатого крестьянина преследуют». Таким образом, одной рукой давая крестьянину добро на свободу хозяйствования, другой – компартия стремилась лишить её. Очевидна противоречивость аграрной политики.

В первой половине 1920-х годов, создавая законодательные условия для деятельности крестьянских хозяйств, государство стремилось оказывать им реальную материальную помощь. При этом учитывалось, что ведущая роль в экономике должна принадлежать промышленности, а основные расходы на восстановление сельского хозяйства должны взять на себя крестьяне. Такая постановка вопроса означала, что земледельцы не могли рассчитывать на крупные государственные субсидии.

В основу распределения дотаций был положен классовый принцип: основная часть предназначалась беднейшему крестьянству и середнякам. Лишь незначительная доля доставалась состоятельным слоям деревни. Богатому крестьянину приходилось прилагать немало усилий, чтобы получить соответствующие средства. В структуре материальных средств, выделяемых крестьянству, можно отметить две составляющие части: натуральную (зерно, инвентарь) и денежную. О размерах первой можно судить по следующему факту.

В 1922 г. крестьяне Белоруссии получили яровую ссуду в размере 16589 пудов овса, 10250 пудов ячменя, 3016 пудов гречихи. Если допустить, что вся она распределялась равномерно по всем уездам тогдашней БССР, то каждый из них получил примерно 2766 пудов (44 тонны) овса, 1700 пудов (27 тонн) ячменя, 502 пуда (8 тонн) гречихи. С помощью полученной ссуды можно было засеять 147 гектаров овсом, 90 гектаров ячменём, 27 гектаров гречихой. Такой объём субсидий не мог оказать существенного влияния на развитие крестьянского хозяйства. Предоставить большую величину государство в то время было не в состоянии.

Не высока была и эффективность использования получаемой помощи. Предоставляя денежную или натуральную помощь, государственные органы требовали документы, дающие право на её получение, но мало заботились о том, как она будет использована. Недостаточный размер пособия создавал трудности с его применением.

Например, один из крестьян Сенненского района для строительства дома получил денежную ссуду в размере 45 рублей. Всего же необходимо было 150. Не найдя недостающей суммы, имевшиеся 45 рублей были использованы не по назначению [4, л. 738]. Ряд хозяйств, воспользовавшихся ею, так и не смогли вернуть долг государству. СНК БССР постановлением от 12 апреля 1924 года вынужден был снять недоимки с крестьян, которые не смогли рассчитаться с государством.

Несмотря на эти негативные моменты, государственная помощь сыграла определённую роль в увеличении обеспеченности инвентарём, росте поголовья скота, строительстве жилых и подсобных помещений в крестьянских хозяйствах. Наибольшая отдача, от полученного у государства, была в состоятельных хозяйствах. Здесь государственная помощь сочеталась с собственными ресурсами и лучшей организацией труда.

Из года в год государство увеличивало помощь крестьянам. Например, общая сумма выплат с июня

1924 по июнь 1925 года выросла с 656 тыс. рублей до 5339 тыс. Такой значительный рост государственных средств стал результатом укрупнения БССР. В то же время процент крестьян, получавших ссуду, оставался невелик. В октябре 1924 г. он составлял лишь 5% от всех деревенских хозяйств. По социальным группам получившие помощь распределились следующим образом: бедняки – 41%, середняки – 54,5%, зажиточные – 4,5%. Эти цифры лишней раз подтверждают, что субсидии крестьянству носили классовый характер.

На IX съезде КП(б)Б, состоявшемся в декабре 1925 г., было подчёркнуто, что аграрная политика имеет верное направление. Это было признание того факта, что успехи в деревне стали возможны благодаря деятельности единоличных крестьянских хозяйств. В постановлении съезда были отмечены некоторые реальные достижения в аграрном секторе. Было обращено внимание на то, что тормозом развития сельского хозяйства оставался ряд объективных причин.

Таким образом, коммунистическая партия официально провозглашала, что никакого раскулачивания в ближайшее время не будет. Появление «советского» кулака, резюмировал съезд, результат экономической политики партии в деревне. Такое отношение высшего партийного органа Беларуси к состоятельной части сельского населения можно объяснить следующим. Во-первых, часть членов партии видела в зажиточном крестьянине не эксплуататора, а добротного хозяина. Во-вторых, это было время, когда крестьянина призывали обогащаться и высшие партийные руководители в Москве. К их мнению в Беларуси прислушивались. Наконец, в этот период в партии шла борьба с оппозицией, которая требовала жёстких мер в отношении зажиточных крестьян. Эта точка зрения большинством партии тогда признавалась ошибочной.

Принятый в 1925 г. пятилетний перспективный план развития сельского хозяйства также делал ставку на дальнейшее развитие единоличных крестьянских хозяйств. В этом документе подчёркивалось, что в ближайшие 5 лет сельское хозяйство не получит материальных средств, в достаточных объёмах [5, л. 9]. Следовательно, процесс восстановления аграрного сектора должен идти на основе интенсификации труда в индивидуальных хозяйствах. Это было продолжение ставки на трудолюбие и предприимчивость крестьянина.

Наиболее популярными формами устройства хозяйственной деятельности на земле оставались во второй половине 1920-х годов хутора и отруба. Число их неуклонно росло. Данный процесс наблюдался не только в отдельных районах или округах, но и в целом по республике. Так, в 1924 г. в Витебском округе вышедшим на хутора принадлежало 30% всех землеустроенных земель. В 1926 году это число составило уже 80%. Выросло и общее число таких хозяйств во всей республике. Например, в 1925/26 г. на хутора переселилось 24700 крестьянских семей. В 1927/28 г. переселившихся было уже 47370. Это были официальные данные. Однако в действительности таковых хозяйств было больше.

В официальных данных не были учтены так называемые «скрытые» хутора в виде небольших посёлков. В разных округах число дворов в таких посёлках было различным. В Полоцком и Оршанском их число равнялось 6–7 хозяйствам, в Слуцком и Мозырском 10–15. К сожалению, общее количество таких поселений в пределах Беларуси учтено не было, что не позволяет назвать точную цифру всех хуторских и отрубных хозяйств, созданных к 1927 г.

Разумеется, государство не должно было замыкаться лишь на хуторской системе землепользования. Но коль оно провозгласило в Земельном кодексе право крестьянина на выбор форм хозяйствования, то и помощь должна была оказываться всем.

Более рациональной в 1925–1927 гг. была политика в области сельскохозяйственного налога, его распределения среди различных групп крестьян. При исчислении сохранялся прогрессивный характер налога, льготы для беднейших крестьян. В то же время бедняк не освобождался полностью от его уплаты. Такой подход исключал формирование иждивенческих настроений. В данном случае был учтён опыт первой половины 1920-х гг., когда полное освобождение части беднейшего крестьянства от уплаты налога не способствовало повышению эффективности производства.

В течение 1925–1927 гг. шёл процесс совершенствования налогообложения. Партийные и государственные органы принимали меры к более качественной организации взимания налога, снижению его суммы для всех категорий крестьянства. Наиболее существенные изменения произошли в 1926 г. В предыдущем году налог оказался непосильным для земледельцев. Государственные органы после повторных расчётов признали факт завышения налоговых выплат и пошли на значительное снижение. К уровню 1925 г. они были уменьшены на 59,4% для бедняцких хозяйств, на 74% для середняцких и 66,2% для зажиточных крестьян [6, с. 650]. Таким образом, снижение затронуло все категории земледельцев.

В 1925–1927 гг. за крестьянами сохранялось право на применение наёмного труда и аренду земли. Из года в год число хозяйств, пользовавшихся этими возможностями, возрастало. В 1925 г. 4,3% всех земледельческих дворов применяли наёмный труд и 6,3% прибегали к аренде земли. В 1926 г. эти показатели равнялись соответственно 4,4 и 7,6%. Цифры эти, вероятно, не отражали истинного положения дел, ибо фиксировали договоры аренды и найма, официально утверждённые соответствующими земельными органами. Помимо этого существовали ещё устные сделки, которые не регистрировались государственными учреждениями.

Наём рабочей силы использовали различные категории крестьянства. Отличало их назначение применяемого труда. Малополевые хозяйства прибегали к найму в осеннее-весеннюю пахоту и сенокос. В среде среднеполевых наёмный труд был распространён в сенокос и уборку зерновых. В незначительных масштабах он использовался в пахоту. Состоятельные крестьяне использовали наёмную рабочую силу главным

образом при уборке урожая. Применение дополнительного труда позволяло среднеполевым и зажиточным крестьянам избежать потерь при уборке, а малополевым обработать свой участок. Таким образом, наёмный труд был выгоден всем категориям земледельцев.

Наряду с этим в деревне оставалось немало проблем. Велик был процент неземлеустроенных хозяйств. Малоземелье и излишки рабочей силы требовали своего разрешения. Недостаток инвентаря не позволял качественно обрабатывать землю. И всё же положительные тенденции доминировали. В этой ситуации логичным было бы продолжение осуществляемой политики с учётом накопленного опыта первых лет нэпа и корректировки в сторону решения существовавших проблем. События же стали развиваться в ином направлении.

В конце 1927 г. появились первые признаки изменения политики в аграрном секторе: прекращение кредитования состоятельных крестьян, ограничение выхода на хутора и отруба, сдерживание аренды и наёмного труда. На высоких партийных собраниях зазвучали речи о том, что социалистические идеалы важнее существующих законов. Выступая на XI съезде КП(б)Б с докладом «О работе в деревне», член ЦК И.П. Рыжов остановился на проблеме хуторов и отрубов. Он подчеркнул, что существующий Земельный кодекс с его правом свободы выбора форм землепользования позволял части партийных работников отстаивать хутора и отруба.

Далее И.П. Рыжов заявил, что в изменившихся условиях партия и её члены не должны обращать внимание на законодательные акты, если они препятствуют социалистическому строительству. Это был призыв в решении любого вопроса аграрной политики на первое место ставить не закон, а идеологию. Данное высказывание не имело бы большого значения, если бы было сделано на рядовом партийном собрании, но это прозвучало с трибуны партийного съезда.

Две причины делали реальным крутое изменение курса в деревне. Сокращение поставок хлеба на городской и деревенский рынок, что явилось следствием допущенных в аграрной политике ошибок, но не свидетельствовало о кризисе индивидуального крестьянского хозяйства. Вторая причина состояла в том, что левая оппозиция была разгромлена, и принятие какой-то части её платформы не грозило возвратом к власти политических соперников.

Недостаток хлеба на рынке вовсе не означал, что его не было у крестьян. Земледельца не устраивали цены, по которым государство покупало у них зерно. Средняк, который стал основным поставщиком хлеба, предпочёл лучше питаться сам, чем отдавать по низким ценам хлеб государству. Это вовсе не означало, что кулак вот-вот начнёт шантажировать Советскую власть. Не означало это и того, что за выросшими аппетитами середняков скрываются какие-то политические мотивы. Ведь грозившая городу острая нехватка продовольствия давала возможность утверждать обратное. Подготовленное таким образом общественное мнение облегчало задачу изменения политики в аграрном секторе.

В конце 1927 года ЦК ВКП(б) разослал директивы партийным работникам с требованием энергичных мер в области хлебозаготовок. Вероятно, эти директивы не возымели должного действия, ибо в январе 1928 г. из Москвы уже грозили партийным руководителям партийными взысканиями, если они не добьются решительного перелома в деле хлебозаготовок. Речь шла о более решительном нажиме на состоятельного крестьянина, который располагал хлебом. Многие работники на местах не могли резко переключиться на новый курс, против которого они недавно боролись с оппозицией. Всё же ЦК ВКП(б) был настроен решительно. В феврале была проведена чистка местных партийных органов. Те, кто медлил в проведении новой линии, получили взыскания.

Чрезвычайные меры против крестьян ещё не были свидетельством крутого поворота генеральной линии партии в деревне. В сложившейся ситуации они были подчинены одному – взять хлеб в деревне, так как угроза голода в городах создавала угрозу масштабных выступлений, способных свергнуть действующую власть. Но именно они стали началом нового курса. На XV съезде ВКП(б) И.В. Сталин и В.М. Молотов говорили о коренном изменении отношений к зажиточному крестьянству. Правда, в резолюции съезда подчёркивалось, что крестьян не будут силой загонять в колхоз, а единоличные хозяйства будут сохраняться длительное время [7].

Только уже следующая часть данного постановления заставляла сомневаться в постепенном становлении колхозов и сохранении индивидуального хозяйства. В ней говорилось о необходимости «...всемерно содействовать росту таких форм землепользования, которые благоприятны для развития кооперирования и механизации сельского хозяйства (посёлки, выселки и т.п), ограничив практику выделения на отруба и, особенно, хутора и совершенно прекратив их в тех случаях, где они ведут к росту кулацких элементов». Подвести каждое хуторское хозяйство под «рост кулацких элементов» было несложно.

Деятельность компартии Беларуси, государственных органов после этого съезда была подчинена форсированию темпов коллективизации сельского хозяйства. Этапным в определении окончательного курса КП(б)Б на коллективное производство в деревне явился февральский Пленум 1928 года. В его резолюции ставилась задача принять самые энергичные меры к созданию колхозов на надельной крестьянской земле. Наконец, впервые в истории БССР объявлялась «...специальная кампания за переход бедняцко-средняцкого крестьянства к коллективной форме землепользования» [8, л. 43].

Свобода выбора форм землепользования продолжала существовать юридически, но потеряла своё практическое значение. Кампания по созданию колхозов в 1928 г. не стала масштабной. Но решения всех последующих после февраля 1928 г. пленумов ЦК КП(б)Б были подчинены одному – приданию процессу создания

коллективного производства, или, как его называли, социалистической реконструкции сельского хозяйства, необратимого характера. Новый импульс эта кампания получила в 1929 г. и привела к всеобщей насильственной коллективизации крестьянских хозяйств республики.

Заключение. Таким образом, партийные и государственные деятели Беларуси вынуждены были проводить в 1921–1927 гг. политику, направленную на развитие индивидуального крестьянского хозяйства. Отдельные элементы проводимой аграрной политики (налоги, кредит, свобода выбора форм землепользования), даже при их несовершенстве, позволяли крестьянам развивать единоличное хозяйство. Вопреки утверждениям тогдашних государственных и партийных лидеров, крестьянский двор не исчерпал своих возможностей. Он сохранял потенциальные силы к дальнейшему развитию. Тем не менее политика, направленная на развитие единоличного крестьянского хозяйства как основы аграрного сектора, прекратила своё существование в 1928 году.

Партия и государство стремились поставить сельскохозяйственное производство под свой контроль, ибо остро нуждались в получении из деревни максимума продовольствия и сырья. Внедрить плановое производство в условия господства индивидуального земледельческого хозяйства было невозможно. У государства не было необходимых сил и средств, чтобы подчинить себе каждого сельского производителя. При коллективном производстве планировать хозяйственную деятельность было гораздо проще. В колхозах выделась новая модель подразвёрстки.

Политика, ориентированная на единоличное хозяйство, вела к формированию слоя мелких собственников. Это был естественный процесс. Однако это не устраивало ни партийные, ни государственные органы. Уроки хлебозаготовок 1927/28 гг. показали: если индивидуальные хозяйства окончательно сформируются и укрепятся как производители, то станут неуправляемы для рождающейся командно-административной системы. Парадокс состоял в том, что рождённый предыдущей политикой партии относительно свободный крестьянин стал уничтожаться той же партией.

Литература

1. Стенографический отчёт X съезда РКП(б). – Москва, 1963. – С. 608.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 6. Оп. 1. Д. 92.
3. НАРБ. – Ф. 6. Оп. 1. Д. 862.
4. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 2. Д. 50.
5. НАРБ. – Ф. 6. Оп. 1. Д. 517.
6. Попельшко, Л. Денежный баланс крестьянского хозяйства / Л. Попельшко // Совет. строительство. – 1927. – № 11. – С. 650.
7. Стенографический отчёт XV съезда РКП(б). – М., 1962. – Т. 2. – С. 1459.
8. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 20. Д. 49.

Поступила в редакцию 04.05.2023